

А.Р.В о л к о в, проф.,
Ю.И.П о п о в, доц.,
Черновицкий университет

РЕЦЕПЦИЯ "РОБИНЗОНА КРУЗО" Д. ДЕФО
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В западноевропейском литературоведении существует мнение, будто "Робинзон Крузо" Д. Дефо был мало известен в России, а рецепция его русской литературой незначительна. Так, французский "робинзоновед" Поль Доттен, автор обстоятельного двухтомного исследования "Даниэль Дефо и его романы" /1924/ утверждал: "Практический и прочно стоящий на земле пуританин Робинзон настолько далек от мистической души славян, что они не смогли по достоинству оценить его глубокую значимость" [21, с. 453]. Повременим соглашаться с таким мнением. Оно проистекает, по-видимому, из заранее заданного, искаженного представления о славянской культуре и литературе. Точнее — о русской, в частности и в особенности. Русский же материал известен французскому ученому лишь в незначительной степени. Кроме того, Доттен в своем исследовании рассматривает только явления макрорецепции. Однако теория традиционных сюжетов и образов как части сравнительного литературоведения предполагает исследование не только макрорецепции, объемлющей все произведение /перевод и переработка, в том числе адаптация для детей/ или основные структурные компоненты /заимствование сюжета, сюжетной модели, образов-персонажей/, но и микроуровневую рецепцию: номинацию, литературное цитирование, прямые ссылки, реминисценцию, образную аналогию, аллюзию, — вкрапленные в художественную ткань произведения-реципиента.

Рецепция "Робинзона Крузо" в России началась более 200 лет тому назад и продолжается доньше. Доттен полагал, будто первый русский перевод "Робинзона" относился к 1837 г. Эту ошибку исправил М. П. Алексеев, установив: впервые роман Дефо переведен Я. Трусовым в

© Вслков А.Р., Попов Ю.И., 1993

1762 г. [2, с. 83], т.е. ровно на 125 лет ранее даты, от которой французский исследователь начинает историю восприятия "Робинзона" в России. За этим переводом последовали многочисленные новые переводы, переработки, адаптации для детей. Их общее число достигает пяти десятков. В России были широко известны и "постдефовские" робинзонады "Остров Фельзенбург" /1731/ И. Шнабеля, "Новый Робинзон" /1779/ И. Кампе, "Швейцарский Робинзон" /1812/ И. Висса и др.

Следует также учесть, что русская читающая публика знакомилась с романом Дефо еще до его перевода на русский язык по французским и немецким переводам. Действие исторического романа Г. П. Данилевского "Мирович" /1875/ относится к тому же 1762 г., когда вышел перевод Трусова. В "Мировиче" упоминается роман Дефо. Эта книга входила в круг чтения высшего общества второй половины XVIII в.: заточенному в крепость царевичу Иоанну Антоновичу "Мирович... читал... любимую книгу покойной жены князя, купленный ею гамбургский перевод на немецкий язык "Робинзона Крузо" [9, с. 110]. В другом месте ссылка на эпизод романа свидетельствует о том, что "Робинзон Крузо" был знаком не только знати; полицейскому приставу Жихареву снится сон о том, "как Робинзон, уезжая с пустынного острова, где жил двадцать восемь лет, взял с собой на память козий зонтик, такую же шапку, слугу Питницу и одного из попугаев, который отчетливо твердил: "Бедный Робин, бедный! Куда занесла тебя судьба?" [9, с. 221]. Подробно пересказывая сон персонажа там, где впоследствии достаточно было бы одной фразы, автор стилистически подчеркивает то, что в культурной жизни России XVIII в. роман Дефо представлял уже осваиваемое, но еще не достаточно вошедшее в широкий интеллектуальный обиход явление. Таким образом, писатель, описывая в 70-х годах XIX в. события более чем столетней давности, использует упоминания о "Робинзоне Крузо" для воссоздания исторического колорита. Роман Дефо выступает как составная часть духовного быта второй половины XVIII в. Например, Татьяна в "Евгении Онегине" в начале XIX в. читает Ричардсона и Гуссо/. Конечно, "Мирович" - не документ, он представляет не прямое, а косвенное доказательство. Однако доказательство весомое ибо прозу Данилевского отличает документально точное знание исторического материала.

Упоминания о Робинзоне имеют и другую важную, идейно-нравственную и художественную, функцию. Они вызывают у читателя образную аналогию - антитезу. Ведь роман Дефо читают люди, на которых возложена обязанность охранять царевича Иоанна, с младенческого возраста

томящегося в заточении по приказу Елизаветы Петровны. В течение двадцати лет Иоанн находится в одиночном заключении, оторванный от родных и лишенный естественных человеческих контактов. Положение Робинзона на острове предпочтительнее страшного существования Иоанна среди людей, природа менее жестока, чем люди — эта мысль ассоциативно возникает при чтении романа Данилевского.

В первой половине XIX в. "имя Робинзон стало у нас нарицательным" [2, с. 89], — отмечал М. П. Алексеев и в доказательство приводил выдержки из произведений Н. Н. Хмельницкого, М. Ю. Лермонтова и И. С. Тургенева. Персонажи популярной в свое время сатирической комедии Хмельницкого "Воздушные замки" /1818/ "погружены в мечтания, не имеющие никакой опоры в действительной жизни, а главный герой, отставной мичман Альнаскар, все еще грезит об адмиральском чине, об открытии новых земель, о каком-нибудь острове, где он станет властелином:

Да чем же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островок,
Там, сделавшись царем... построю городок,
Займусь проектами, народными делами,

Устрою гавани, наполню их судами —

И тут то я до вас, алжирцы, доберусь.

Смиритесь! Не то... пойду, вооружусь,

И вы познаете воителя десницу" [2, с. 85].

В "Герое нашего времени" /1840/ М. Ю. Лермонтова робинзоновская образная аналогия возникает, когда в "Княжне Мери" Грушницкий описывает московского франта Раевича: "Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузо! Да и борода кстати, и прическа а la moujik" [14, с. 65]. С одной стороны, в среде русской аристократии сравнение с плебеем Робинзоном не могло не носить иронически-оскорбительного характера. С другой стороны, можно с уверенностью предположить авторскую /намеренную или интуитивную/ стилизованную параллель: перечисление Лермонтовым зримых, предметных деталей /золотая цепь, голубой жилет, толстая трость, прическа/ свидетельствует об использовании, освоении традиции Дефо, который первым обратился к "технике подробностей" /по выражению М. Полякова [16] /.

Рассказ И. С. Тургенева "Контора" /1847/ вновь содержит прямоту ссылку повествователя на героя и сюжетную подробность из романа

Дефо: "Я подошел к шалашу, заглянул под соломенный намет и увидел старика, до того дряхлого, что мне тотчас же вспомнился тот умирающий козел, которого Робинзон нашел в одной из пещер своего острова" [19, с. 135]. Точность, колоритность и одновременно иронический характер образной параллели несомненны. Представитель зрелого реализма XIX в., Тургенев использует робинзоновскую образную аналогию с откровенно комической целью.

Названными писателями отнюдь не ограничивается ряд русских авторов, так или иначе осваивавших робинзоновский материал. Рецепция активизируется и делается разнообразной. Создается робинзонада. Доттен из них отмечает лишь "Робинзона в русском лесу" /1881/ О.Качулковой, однако до этой робинзонады были написаны "Петербургские Робинзоны" /1874/ С.Дестунис и "Русский Робинзон" /1879/ С.Турбина. Бесспорно, не авторы этих робинзонад определяли развитие русской литературы. Бесспорно и то, что количество русских робинзонад несравненно меньше числа немецких или французских. В то же время произведения С.Дестунис, С.Турбина, О.Качулковой — свидетельство освоения робинзоновской традиционной сюжетной модели русской литературой 70—80-х годов XIX в. [6]. Чуть ли не у каждого значительного русского прозаика проявляется микрорецепция романа Дефо.

Без номинации робинзоновская традиционная сюжетная модель и образы использованы в "Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил" /1869/ М.Е.Салтыкова-Щедрина. Ссылка на "Робинзона" нет, однако сюжет /генералы сказываются на необитаемом острове/ вызывает в памяти аналогию с романом английского писателя, так же как появление на острове мужика, который ассоциируется с образом Пятницы. Фигуры генералов в одних рубашках и с орденами на шее, находка на необитаемом острове газеты "Московские ведомости" и невероятные сообщения в ней, необычайная легкость, с которой мужику удалось прокормить господ и даже вывезти их с острова, придает сказке гротескно-пародийный характер и усиливает ее сатирическое звучание.

Фарсово-анекдотический характер получает робинзоновский мотив в драме А.Н.Островского "Бесприданница" /1878/. Провинциальный актер Аркадий Счастливцев в результате učinенного им на пароходе скандала был высажен на пустынный остров посреди Волги. Паратов, одно из главных действующих лиц пьесы, вывозит неудачливого актера и делает его чем-то вроде собственного шута, нарекая

Робинзоном. Эта номинация проясняет реминисценцию и подчеркивает пародийность использования драматургом робинзоновской ситуации и самого имени героя.

В повести А. П. Чехова "Степь" /1888/ встречаем образную аналогию-уподобление одного из персонажей герою Дефо. Девятилетний Егорушка, увидев едущего вместе с ним по степи отца Христофора без рясы, поражен сходством священника с героем английского писателя: "Егорушка нашел, что в этом неподобающем его сану костюме он, со своими длинными волосами и бородой, очень похож на Робинзона Крузе" [20, с. 22-23]. Мастер емкой и многозначительной портретной характеристики Чехов дает описание персонажа через непосредственное восприятие ребенка. Учитывая, что повесть написана на основе детских и отроческих воспоминаний писателя, можно судить о месте, которое занимал "Робинзон" в круге детского чтения самого Чехова. Думается, не случайно автор на протяжении небольшой повести еще раз возвращается к образу Робинзона, когда тот видится заболевшему Егорушке: "О, Христофор снял кафтан, и Егорушка увидел перед собой Робинзона Крузе. Робинзон что-то размешал в блюдечке, подошел к Егорушке и зашептал..." [20, с. 96]. Путешествие по степи, общение с природой, рассказы о разбойниках ассоциировались в воспаленном детском сознании с образом Робинзона. "Степь" - поэтический шедевр Чехова, в котором он с тонким лиризмом показал "степь и степных людей". То, что в повести дважды упоминается герой Дефо, символизирующий со времен Руссо единение человека с природой, представляется закономерным и художественно обоснованным.

М. Горький в рассказе "Коновалов" /1896/ предвосхищает характерное для человека XX в. стремление вырваться из абсурда буржуазного существования и одновременно развенчивает идею бегства от цивилизации в духе превратно истолкованного Руссо опять-таки с помощью робинзоновской реминисценции. Герой рассказа восхищается книгой "...насчет англичанина-матроса, который спасся от кораблекрушения на безлюдный остров и устроил на нем себе жизнь. Интересно, страх как! Очень мне понравилась книга; так бы туда к нему и поехал. Понимаешь, какая жизнь? Остров, море, небо - ты один себе живешь, и все у тебя есть, и ты свободен! Там еще дикий был. Ну я бы дикого утопил - на кой черт он мне нужен! Мне и одному не скучно..." [7, т. 3, с. 50]. Реминисценция выполняет в данном случае важную идейную функцию: является метафорой комплекса утопических представлений об абсолютной свободе. Горький определил свое отношение к этому комплексу идей, вкладывая робинзоновскую мечту в уста босняка,

пьяницы Коновалова, и иронически снижая ее с помощью просторечья в языке персонажа.

В послеоктябрьский период Горький вновь обращается к образу Робинзона. В первой части "Жизни Клима Самгина" /1927/ учитель Клима Томилин высказывает анархистский взгляд на общество и роль человека в нем в виде парадокса, который автор иронически именуется "медным": "Ошибочно думать, что энергия людей, соединенных в организации, в партии, увеличивается в своей силе. Наоборот: возлагая свои желания, надежды, ответственность на вождей, люди тем самым понижают и температуру и рост своей личной энергии. Идеальное воплощение энергии — Робинзон Крузо" [7, т. 19, с. 125]. Фигура Робинзона служит в данном контексте символом, философской метафорой, воплощающей абсолютный идеал индивидуализма в личной энергии.

В рассказе А.С.Грина "Человек с человеком" /1913/ образ Робинзона Крузо и его уединенной жизни использован для доказательства преимущества одиночества. Живущий вне человеческого окружения Робинзон счастливо лишен воздействия внешнего зла, которое люди приносят друг другу: "Идея печальной, красивой свободы, удаления от зла человеческого слита... с особенным напряжением душевныи и физических сил человека" [8, с. 473]. Полностью на интерпретации романа Дефо в духе революционного времени построена повесть Б.А.Лавренева "Сорок первый" /1924/. Ссылки на Дефо в тексте повести подчеркивают генетическую связь произведений и ориентируют читателя на восприятие заимствований на макроуровнях — сюжетном и образов-персонажей. В частности, в названии "Главы пятой, целиком украденной у Даниеля Дефо, за исключением того, что Робинзону не приходится долго ожидать Пятницу" [13, с. 170], чувствуется авторская самоирония, и одновременно читатель нацеливается на вполне определенное восприятие героев. Пересказ поручиком Говорухой-Отроком содержания "Робинзона Крузо" Маротке можно рассматривать как развернутую реминисценцию, которая является, с одной стороны, сюжетной параллелью, а с другой — идейной антитезой повести: индивидуализм героя Дефо противопоставлен чувству пролетарского коллективизма героини Лавренева. Робинзоновский сюжетно-образный материал выполняет ориентирующую функцию, нацеливает читателя на совершенно определенные содержательные комплексы и в то же время является важным компонентом идейно-тематической и сюжетной структуры "Сорок первого". Ссылка на героя романа Дефо помогает уяснить сюжетную структуру повести А.Р.Беляева "Остров по-

гибших кораблей" /1927/. Сама по себе эта ссылка: "Мы, если хотите, Робинзоны. Но Робинзоны XX века" [4, с. 187] не несет существенной стилистической нагрузки, однако она, как у Лавренева, ориентирует читателя, вводит в русло определенных ассоциаций и позволяет автору прибегнуть к заимствованию на сюжетном уровне. Опираясь на традиционную сюжетную модель робинзонады, Беллев создает сатиру на нравы буржуазного общества. В конечном итоге, реминисценция служит цели иронического осмысления художественного материала.

Л.А.Кассиль в автобиографической повести "Швамбрания" /1931/ населяет сказочную страну своего детства наиболее известными героями детской литературы, среди которых Робинзон и Пятница [12, с. 77]. В повести есть еще одно упоминание героев Дефо, несущее более серьезную идейную нагрузку. Действие разворачивается после февраля 1917 г., и один из персонажей произносит слова, звучащие символически: "Костюмы Робинзона и Пятницы еще менее удобны сейчас, чем латы Дон Кихота и Санчо Пансы..." [12, с. 182]. Герои Дефо как бы символизируют прошедшее детство героев повести, а в более широком масштабе — уходящую старую эпоху. То есть реминисценция выполняет метафорическую функцию, сходную с той, которую она выполняла в "Жизни Клима Самгина".

Ставшие общеизвестными, герои Дефо упоминаются и в повести Э.Г.Казакевича "Синяя тетрадь" /1961/. Зиновьев уподобляет свое пребывание с Лениным в Разливе робинзоновской ситуации: "Может быть, я надоел вам на этом необитаемом острове? Вероятно, и Пятница временами надоел Робинзону..." [II, с. 81-82]. Сложные отношения Ленина с Зиновьевым и тс обстоятельство, что Зиновьев "на каждый случай жизни мог вспомнить подходящую цитату" [II, с. 87] позволило Казакевичу "реконструировать" возможный разговор. Образная аналогия ситуативно оправдана и соответствует складу ума персонажа: стертое уподобление свидетельствует о банальности, несамостоятельности мышления Зиновьева.

Микрорецепция "Робинзона Крузо" важна для идейно-художественного замысла повести А. и Б. Стругацких "Обитаемый остров" /1968/. Она проявляется на разных уровнях. Название повести — своеобразная аллюзия: авторы как бы от противного намекают на важнейшее условие робинзонады — необитаемый остров. Заглавие первой части — "Робинзон" — представляет прямую ссылку. Номинация подразумевает образную и сюжетную параллель; герой "Обитаемого ост-

ропа" Максим Каммерер оказывается в робинзоновской ситуации эпохи межпланетных путешествий: попадает на чужую планету, его космический корабль разрушен, ему противостоит враждебный антигуманный мир. Сюжетно-образная параллель в свою очередь подводит к идейному сопоставлению: герои обоих произведений — люди новой формации, вступающие в единоборство с враждебным миром. А. Зеркалов отмечает: "Обитаемый остров" — робинзонада... Герой Дефо, горожанин и искатель приключений XVIII века, один на один сражался с живой природой малого острова. XXII век — иные масштабы и иной противник. Максим вступает в бой с планетой, с ее социальной структурой, с антиприродой, созданной человечеством". Как видим, идейно-эстетический потенциал романа Дефо предоставляет возможности для всяческих интерпретаций. В случае произведения Стругацких можно говорить о его "футурологизации". Кстати, явление не единственное в этом роде, вспомним "Робинзон космос" /1955/ Ф. Карсака.

Общеизвестность романа Дефо открывала возможности использования робинзоновской традиционной сюжетной модели с сатирическими и юмористическими целями /например, рассказ А. Т. Аверченко "Робинзон", 1910/. На необитаемом острове оказываются интеллигент Павел Нарымский и шик Пров Иванович Акациев. Шик и в этой ситуации стремится выполнять привычные обязанности, запрещая Нарымскому строить без разрешения дом, охотиться, даже читать книги. Ирония автора перерастает в сатиру в кульминации рассказа, когда Акациев спасает заплывшего слишком далеко Нарымского, однако делает это не из гуманных соображений, а в уверенности, что по возвращении в Россию ему удастся заставить Нарымского уплатить огромный штраф либо отправить его в тюрьму. В данном случае реминисценция подчеркнута номинацией в названии рассказа, которая в свою очередь указывает на ситуативно-сюжетную параллель.

С добродушной самоиронией обращается к робинзоновскому материалу М. А. Булгаков — автобиографический рассказ "Пропаший глаз" /1926/. Врач в деревенской больнице, оторванный от всех культурных центров, решает проблему: бриться каждый день или нет, и в связи с этим вспоминает историю "об одном англичанине, попавшем на необитаемый остров. Интересный был англичанин. Досиделся он на острове даже до галлюцинаций. И когда подошел корабль к острову и лодка выбросила людей-спасателей, он — отшельник — встретил их револьверной стрельбой, приняв за мираж, обман пустого водяного поля. Но он был выбрит. Брился каждый день на необитаемом острове.

Помнится громаднейшее уважение вызвал во мне этот гордый сын Британии... И твердо решил я, что буду бриться через день, потому что у меня здесь ничем не хуже необитаемого острова" [5, с. 129]. Но от бриться оторвал срочный вызов, а в дальнейшем повествователь не брился неделями. "Но все же английские замашки не потухли вовсе на муравьевском необитаемом острове, и время от времени я вынимал из черного футлярчика блестящую игрушку и вяло брился, выходил гладкий и чистый, как гордый островитянин. Жаль лишь, что некому было полюбоваться на меня" [5, с. 125].

Герои Дефо упоминаются в комедии С.В. Михалкова "Раки" /1954/, способствуя сатирической обрисовке одного из действующих лиц пьесы, самовлюбленного бюрократа Лопсухова. Его помощник Уклеikin вставляет в текст доклада, написанного для начальника, "лобопытную цитатку из Робинсона Крузо... насчет проявления личной инициативы и мобилизации внутренних ресурсов" [15, с. 79]. Невежественный начальник, читая доклад, попадает в ситуацию, когда не в состоянии объяснить: о какой "пятнице" идет речь. Комизм ситуации обусловлен широкой популярностью книги Дефо, что предполагает знание ее каждым мало-мальски образованным человеком.

Особое место среди обращений к робинзонской традиции занимает рассказ И. Ильфа и Е. Петрова "Как создавался Робинзон" /1932/, построенный как анализ и правка редактором молодежного журнала романа о советском Робинзоне. Авторы остроумно высмеивают как литературные штампы, так и вульгарно-социологический подход к художественному творчеству. Сатира распространяется не только на отечественные подделки "Робинсона Крузо". Пародируется сам принцип тиражирования Робинзонов. Обличая рутину и бюрократизм, Ильф и Петров одновременно иронизируют над авторами многочисленных робинзонад. Редактор, анализируя "Советского Робинзона", как бы препарировывает традиционную робинзонаду, разлагает ее на составляющие компоненты и доводит каждый из них до абсурда, соединяя несоединимое: так сама ситуация изоляции человека на острове теряет загадочность и романтичность и приобретает анекдотический характер, когда на острове, помимо Робинзона, оказывается председатель месткома и сборщик взносов! Намеренной приземленностью, введением бытовых и анахронизмов иронически переосмысливаются традиционные сюжетные компоненты робинзонады. Так, по требованию редактора, волна выбрасывает на остров стол, бутылку чернил и негорюемый

шкаф /1/. Автор пытается спасти свое творение введением любовной темы /мотив, имеющий место во многих робинзонадах/, однако редактор безапелляционно отвергает "нездоровую эротику", так же как, в конце концов, и сам необитаемый остров заменяется вполне обитаемым полуостровом. В финале редактор доводит правку до "логического" конца:

- А Робинзон? - пролепетал Молдаванцев.

- Да. Хорошо, что вы мне напомнили. Робинзон меня смущает. Выбросьте его совсем. Нелепая, ничем не оправданная фигура нытика" [10, с. 197].

Сатирический эффект достигается с помощью обыгрывания сюжетно-образной структуры романа Дефо, отдельных эпизодов и подробностей /чего стоит толстовка из обезьяньих хвостов и попугай в роли будильника!/, пародируются также подражания "Робинзону Крузо" /советский Робинзон по аналогии с французским, немецким, американским/.

Обращение русских писателей к "Робинзону Крузо" не исчерпывается вышеприведенными примерами. Робинзоновские мотивы находим, например, у Ф.М.Достоевского, В.Я.Брюсова, А.А.Ахматовой, А.Г.Гонтова, суждения о Робинзоне и робинзонадах - у В.Г.Белинского и А.И.Герцена. В мемуарной литературе имеется множество свидетельств: на протяжении веков русские дети играли в Робинзонов. Из многих свидетельств ограничимся двумя. Л.Толстой описывает в "Детстве" игру в швейцарского Робинзона. С.И.Аллилуева вспоминает, что на даче И.В.Сталина в Зубалово для детей был устроен "Робинзоновский домик" - "настил из досок между тремя соснами, куда надо было влезать по веревочной лестнице" [3, с. 24].

Однако сделанная выборка достаточно репрезентативна и дает основания прийти к выводам, что освоение робинзоновского традиционного сюжетно-образного материала, не говоря уже о переводах, адаптациях для детей и переработках-робинзонадах, было активным и основательным, постоянно имело место в русской литературе на микрорецептивных уровнях: образные аналогии - "подсказываемые" /"Мирович"/ или называемые /"Герой нашего времени", "Контора", "Степь", "Синяя тетрадь"/; реминисценции /"Говесть о том, как один мужик двух генералов прокормил", "Бесприданница", "Консвалов", "Робинзоны", "Пропавший глаз", "Остров погибших кораблей", "Обитаемый остров"/. В "Человеке с человеком" и "Климе Самгине" Робинзон выступает как символ, как образное доказательство.

Различные виды микрорецепции могут сочетаться. В произведении "Как создавался Робинзон" иронически переосмысленная сюжетная и образная реминисценция выступает в качестве основного художественного приема, на котором держится вся структура. В "Обитаемом острове" имеется и аллюзия, и образная параллель, и прямая ссылка — номинация. Впрочем номинация оказывается почти обязательной /кроме сатирической сказки Щедрина и "Пропавшего глаза" Булгакова/. В ряде случаев упоминание о героях Дефо является прямым свидетельством их общеизвестности и популярности его книги: "Мирович", "Швамбрания", "Раки".

Межлитературная микрорецепция достигает цели только тогда, когда иноязычное произведение в переводе органически вошло в духовный мир данного народа. Характерный пример тому — восприятие романа и героев Дефо русской литературой.

Микрорецептивные компоненты в произведениях—реципиентах выполняют различные функции, но всегда рассчитаны на то, чтобы вызвать у читателя привычные, совершенно определенные понятия, отношения и ассоциации.

Эти сложившиеся отношения и ассоциации нередко бывают весьма далеки от первоначального идейно—эстетического насыщения заимствованного традиционного мотива или образа. Пуританин и индивидуалист Робинзон был воспринят на русской почве со значительной долей иронии, более того, нередко образ и ситуация романа Дефо служат цели сатирического осмысления художественного материала. Это не мешает микрорецептивным обращениям к роману Дефо для воссоздания исторического колорита либо при складывании концепции или самой структуры произведения.

1. Аверченко А.Т. Одиннадцать слонов: Рассказы. М., 1989. 2. Алексеев М.П. "Робинзон Крузо" в русских переводах //Сравнительное литературоведение. Л., 1983. 3. Аялилуева С.И. Двадцать писем к другу. К., 1991. 4. Беляев А.Р. Человек—амфибия. Одесса, 1981. 5. Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. 6. Волков А.Р., Попов Д.И. Русские робинзонады //Вопр. рус. лит. Львов, 1987. Вып. 2/50. 7. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949—1955. 8. Грин А.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1980. Т. 3. 9. Данилевский Г.П. Мирович. М., 1985. 10. Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. М., 1981. Т. 3. 11. Казакевич Э.Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 1. 12. Касильский Л.А. Избранные повести. М., 1948. 13. Лавренев Б.А. Избранные произведения: В 2 т. М., 1972. Т. 1. 14. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 4. 15. Михайлов С.В. Соч.: В 2 т. М., 1954. Т. 2. 16. Поляков М.Я. Цена пророчества и бунта. М., 1975. Стругацкий А., Струг

гаций Б. Жук в муравейнике. Кишинев, 1983. 18. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978. Т. 1. 19. Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1975. Т. 1. 20. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1972. Т. 7. 21. D e t t i n D. Daniel De Foe et ses romans. Paris, 1924. G. 2. Robinson Crusoe: Etude historique et critique.

Стаття надійшла до редколегії 11.12.91

Summary

The "Robinson Crusoe" was translated in Russia in 1762. The Hero of Defoe became one of the most frequently citing personages of the Occident literature in the works of the well-known Russian Writers (Lermontov, Turgenev, Ostrovski, Chekov, Gorki, Bulgakov etc.) The assimilation of the Defoe's novel in Russian literature goes by different ways (translation, adaptation, remaking, reminiscence, image analogy).

К.А.Титянин, ассист.,
Каменец-Подольский пединститут

ХАРАКТЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1900-1930 ГГ.

Начало XX в. в русской литературе – время довольно широкого обращения к образам, которые называют традиционными, т.е. такими, многократное обращение к которым в литературе составило традицию, показало закономерность их повторения /об общих чертах этого процесса в литературе XX в. см. /12, с. 9-23/. Это относится и к русской прозе. Характерная для этого периода переоценка старых и рождение новых ценностей обусловили и несколько иное отношение литературы и действительности. Когда литература не успевает осмыслить действительность, эстетическое пространство между ними становится все ощутимее, возрастает роль условных форм в искусстве. Отсюда и усиление философской окрашенности литературы начала века, одно-

© Титянин К.А., 1993